

126 МАЯ 1974

Неделя, и 4

приглашение к танцу

■ Когда великая танцовщица расстается со сценой, ее искусство, обрстая ореолом легенды, в равной степени начинает принадлежать и прошлому, и будущему.

В балетном театре смена поколений столь же неотвратима, сколь и быстротечна, но обретения мастеров, составивших эпоху на сцене, не исчезают вместе с их сиюминутным искусством. И дело совсем не в том, что остаются живые впечатления, кадры фотографий и рулоны киноплёнки. Остается мир, увиденный и освоенный талантом по-своему, превратившийся в открытие. Великий талант всегда первоздан и изначален, как бы он ни был связан корнями с прошлым.

Изначально искусство Галины Улановой. Первозданно ее чудо и таинство гармонии. И потому ее имя и танец становились легендарными еще тогда, когда она танцевала на сцене, а не потом, когда ее покинула. Впрочем, «покинула» — самое несправедливое, что можно сказать об Улановой.

Многие поколения вдохновлял танец Марии Тальони, уже несколькими поколениями властвует искусство Анны Павловой, а наше время — его совсем близкая история — его настоящее — осязаемы музой Улановой. Потому она не ушла и никогда не

ИМЯ УЛАНОВОЙ

уйдет со сцены, продолжаясь и развиваясь в непосредственных своих ученицах и вообще в искусстве танца.

Она была первой в советском театре создательницей новых образов новых героинь, и то, что внесла она в танец нашего века, просто невозможно переоценить. С ее именем связано начало триумфального шествия по миру советского балета в пятидесятые годы.

Чуждое нарочитой эффектности и уж абсолютно всяческой аффектированности, ее искусство, гордо простое и в этой простоте неизъяснимо трепетное, потрясало чем-то таким, чему можно искать и находить множество определений, и все равно за всеми ними останется покров тайны, как остается он за кристально-прозрачной пушкинской строкой или многозначно звенящей мыслью Шекспира. Сравнение не случайно, ибо и пушкинская Мария и шекспировская Джульетта Галины Улановой — это неповторимые вершины взлета

артистического духа, большие, чем хореографические партитуры ролей, потому что внутреннее ощущение образов не могло принадлежать никому, кроме Улановой. А эта ее внутренняя настроенность образов делала их конгенными и пушкинскому, и шекспировскому замыслам.

Меняются и будут меняться техника танца, балетный костюм, эстетические вкусы. Уже сейчас ясно, что сороковые, к примеру, годы нашего балета совсем не похожи на семидесятые. Но стоит увидеть крохотный фрагмент улановской репетиции «Ромео и Джульетты», снятый на пленку еще перед премьерой в Ленинграде, чтобы снова и снова искать — не в ней, в себе — те душевные струны, которые вдруг прозвучат ее откровением.

Это-то и делало Галину Уланову востребованной театральными залами, помогало людям открывать не только в балерине, но и

в себе самое драгоценное — ощущение гармонии. И это осталось в душах тех, кто имел счастье видеть ее, и это осталось в театре, во всех последующих поисках тех, кто пришел на сцену вместе с ней или после нее. Не любительница интервью, широкоизвестности, Галина Сергеевна Уланова продолжает в ученицах, и за нее говорят они — народные артистки Советского Союза и республик, лауреаты всевозможных и международных конкурсов.

На прошлой неделе сцена Большого чествовала Галину Сергеевну в связи с тридцатилетием ее работы в театре и присвоением ей звания Героя Социалистического Труда. Тот, кто был на этом чествовании (а кто не был, может убедиться в этом 8 июня, когда телевидение расширит пространство зрительного зала), не припомнит более взволнованной и вдохновенной обстановки артистического триумфа.

Имя Улановой. Этим все сказано.

Ал. АВДЕЕНКО.

НА СНИМКАХ:

- Уланова и ее ученицы — народные артистки СССР Екатерина Максимова и Нина Тимофеева.
- Перед бушующим залом.

Фото А. Макарова (АПН).

